

— Так глава секты согласился?

— Разумеется. Иначе откуда бы взялось название Секты Суньюэ?

Ли Яньцин пожал плечами, давая понять, что на этом его рассказ окончен.

Выслушав историю целиком, Ли Юаньцзинь молча запечатлел в памяти все детали, а затем перевел взгляд на портрет, тихо висевший на стене комнаты. Женщина на картине выглядела благородной и утонченной, но в выражении её глаз, казалось, навсегда застыла невыразимая печаль. Она была облачена в белые одежды, в руках держала только что сорванную ивовую ветвь и смотрела вдаль, в сторону единственного окна, словно даже будучи заточенной в рамку картины, продолжала тосковать по свободе и по той юношеской любви, которой ей так и не удалось достичь.

Ли Юаньцзинь представил, какой она была в юности, взял в руки иглу с нитью и принялся старательно вышивать ароматный мешочек. Работал он быстро: начав набросок с наступлением темноты и воспользовавшись несколькими свечами, которые принес Ли Яньцин, он потратил на всю работу лишь одну ночь.

Когда на следующее утро Ли Яньцин пришел принести еду, Ли Юаньцзинь, до предела измотанный, как раз провалился в тяжелый сон прямо среди постели. Ли Яньцину стало любопытно, что же получилось у товарища, и, пока тот спал, он тайком вытянул из его рук белоснежный мешочек. На шелковой ткани красовалась вышитая девушка в красном наряде с длинным мечом в руках. Она выглядела статной и решительной. С первого взгляда она показалась незнакомой, но, заметив легкую, застенчивую улыбку в уголках её глаз, Ли Яньцин понял: это Лу Цюаньюань.

Ли Юаньцзинь, погруженный в сон, даже не почувствовал, что мешочек забрали. Когда вернулся Шэн Шэчуань, он всё еще спал. Ли Яньцин, приглашая главу к чаю, протянул ему вышивку:

— Глава секты, это господин Юань вышил для вас. Сказал, что хочет поблагодарить за то, что вы тогда выхлопотали для него жену.

Шэн Шэчуань еще не успел снять верхнюю одежду, как услышал восторженный доклад Ли Яньцина. Обернувшись, он увидел, что тот протягивает ему мешочек.

— Мешочек? Мне он ни к чему, пусть оставит себе.

Сказав это, Шэн Шэчуань даже не взглянул на работу. Он отдернул дверную занавесь и направился к кровати Ли Юаньцзиня. Сегодня, вернувшись в Зал Миншань, он был завален делами, накопившимися за долгое время. Самым важным из них было письмо с поздравлениями от родни Лу Цюаньюань: они сообщали, что через три дня лично придут в Секту Суньюэ, чтобы навестить его и новую жену. Родня Лу Цюаньюань — это, разумеется, те самые люди из Сяюэшань.

Раз уж Шэн Шэчуань обещал хорошо с ними обращаться, он не мог позволить себе проявить небрежность. Даже спустя десять с лишним лет после смерти Лу Цюаньюань он старался исполнять любые их просьбы, чтобы не дать повода для пересудов о том, что он пренебрегает Сяюэшань. Он весь день потратил на подготовку к их визиту и был крайне утомлен, мечтая лишь о том, чтобы выплеснуть напряжение. Что там задумал Ли Юаньцин, его совершенно не интересовало.

Ли Яньцин хотел было еще что-то сказать, но Шэн Шэчуань, утомленный, махнул рукой, приказывая ему уйти. Яньцину пришлось оставить мешочек на сброшенной одежде главы и на цыпочках покинуть комнату.

Ли Юаньцин сквозь туман почувствовал резкую боль. Когда он осознал, что Шэн Шэчуань вошел в него, было уже поздно.

— Глава... подождите, у меня есть подарок... — он хотел отказаться, но тот уже не желал его слушать.

— Молчи.

Шэн Шэчуань накрыл его рот подушкой. Ли Юаньцин почувствовал, что задыхается, его ноги отчаянно дергались, но в ответ он получил лишь карающее вторжение: он чувствовал, что мужчина разозлен его сопротивлением.

От нахлынувшей боли сознание Ли Юаньцина постепенно прояснилось. Он вдруг с горькой иронией подумал: надо же, он пытался добиться расположения человека с помощью вышитого мешочка. По правде говоря, он был всего лишь купленным наложником, и единственным способом угодить хозяину были эти низменные утехы.

При этой мысли Ли Юаньцин, наполовину от горя, наполовину от отчаяния, окончательно обмяк, позволяя мужчине терзать своё тело. В какой-то момент он даже начал убеждать себя, что пусть тот давит еще сильнее. Казалось, чем острее боль, тем яснее становилось понимание того, чем он на самом деле является в глазах этого человека.

Их мучения длились долго. Наконец, Шэн Шэчуань отпустил его и, вполне довольный, уснул рядом. Ли Юаньцин же, окончательно придя в себя, долго не мог сомкнуть глаз. На парчовом одеяле застыли его холодные слезы.

Так как лег он относительно рано, на следующее утро Шэн Шэчуань проснулся раньше обычного. Бурная ночь придала ему бодрости, в то время как у Ли Юаньцина под глазами залегли темные круги, а взгляд, устремленный в пустоту, был полон оцепенения и немоты.

При утреннем свете Шэн Шэчуань заметил, что настроение у лежащего рядом человека не из лучших. Он припомнил, что вчера тот вроде бы хотел ему что-то сказать, но был прерван. В этот момент с его одежды соскользнул и упал под ноги мешочек. Шэн Шэчуань поднял его и обнаружил, что на ткани вышита сияющая девушка в красном. У неё было лицо, которое он не мог забыть всю жизнь.

Лу Цюаньюань. Это была она. Эта уверенность в себе и юношеский задор ничем не отличались от того, какой была Лу Цюаньюань до замужества.

— Это? Ты вышил? — Шэн Шэчуань был поражен, ведь мало кто знал, что в юности Лу Цюаньюань любила упражняться с мечом, владея им в совершенстве.

Ли Юаньцзинь, не спавший всю ночь, был почти неспособен мыслить, но инстинктивно кивнул.

— Кто сказал тебе, что она любила меч и красные одежды?

Ли Юаньцзинь замешкался и хриплым голосом ответил:

— Никто не говорил, я сам догадался. Я увидел, что на портрете она держит ивовую ветвь так, словно это меч, и подумал, что Цюань Юань-цзюнь в юности была искусна в фехтовании. А что касается красного... я предположил, что девушкам в таком возрасте нравятся яркие цвета, поэтому выбрал красный.

— Ты угадал, — Шэн Шэчуань нежно погладил фигурку девушки на мешочке, его мысли унеслись далеко в прошлое. — Ты вышил её очень похоже... Мне очень нравится. Спасибо тебе.

<http://bllate.org/book/22248/2326797>